

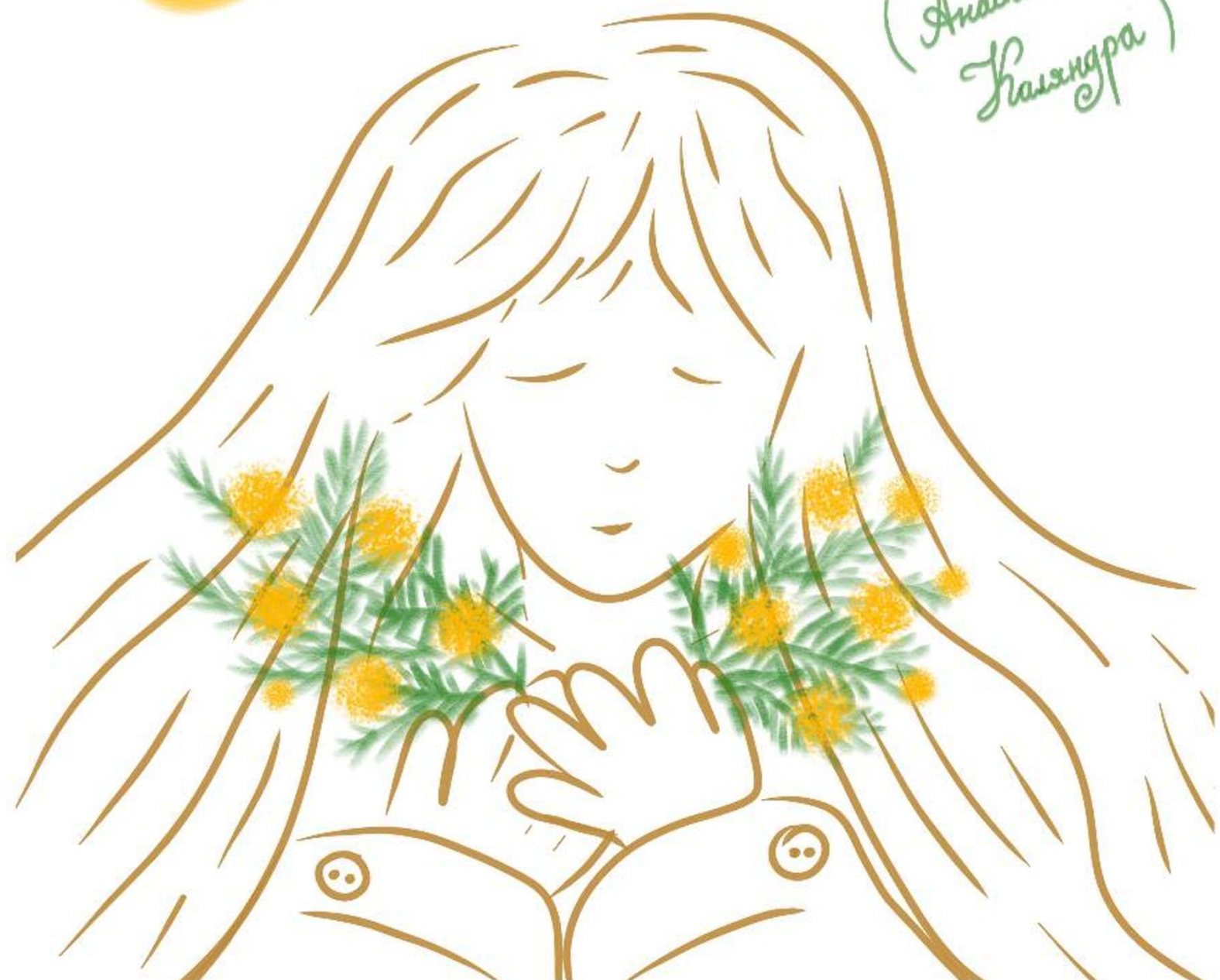
8

марта

в цветочных
историях

Zvolga

(Анастасия
Казангра)

Ivolga (Анастасия Каляндра)

8 марта в цветочных историях

«Автор»

2026

(Анастасия Каляндра) I.

8 марта в цветочных историях / I. (Анастасия Каляндра) —
«Автор», 2026

Восьмое число марта месяца стойко ассоциируется у нас с прекрасной половиной человечества, цветами мерзнувшими на холодных открытых прилавках, с медовой, яркою свежестью, разлитой в морозном воздухе отступающей зимы, как гимн победы весны, красоты, новой жизни над пережитыми сложными временами. Всё это, конечно же, Вы найдете и в сборнике из пяти рассказов, который сейчас перед Вами. Здесь встретятся Вам героини как совсем юные, так и уже умудренные опытом, как забавные, легкие и наивные, так и внутренне наполненные, глубокие, надломленные. Рассказы Вас ждут тоже разные. Юмористические, лирические, мудрые, трогательные. В них женщины, столь же разные, как и эти истории, переживают, по-своему каждая, мартовский холод и одиночество большого шумного города, встречая в нем свое, особое, восьмое марта. А мы, наблюдая за ними сквозь щёлочки книжных строк, можем вспомнить ещё раз о том, насколько хрупки даже самые яркие, сильные и красивые цветы и человеческие сердца. Приятного чтения!

© (Анастасия Каляндра) I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Цветок что расцвёл в феврале	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ivolga (Анастасия Каляндра)

8 марта в цветочных историях

Цветок что расцвёл в феврале

Сегодня она не заплакала. Ни разу, глядя на цветы. В другие же первые дни марта – все последние годы – Тая едва доходила до дома, чтобы суметь не разреветься до тех пор, пока не укроется хотя бы в кабинке лифта. Всё бы ничего если бы не цветы. Обычный мартовский день, обычное восьмое число – такое же, какое есть и в любом другом месяце... Даже то лучше в этом восьмом числе, чем в других – что весна. Снег тает, тепло наконец-то на свете становится, и работа на улице тоже становится чуточку более легкой, терпимой. Чего бы не радоваться?.. Но эти цветы... Они всюду. Их несёт по городу большая людская река, затекает вместе с ними, отдельными ручейками, в подземку, просачивается в магазинчики, наливается в автобусы и откуда-то куда-то всё несёт, несёт, пестрые нежные благоухающие кусочки счастья, любви радости. Людская река пахнет весной. Пахнет мимозами и тюльпанами. Пахнет радостью и праздником. Пахнет любовью... что самое главное – так болезненно отзывающееся внутри Таи – так это любовь. Любовь что наполняет эти цветы. Любовь яркая, весенняя, свежая – материнская, отеческая, дочерняя, сыновья, супружеская, дружеская... Любовь, что желает сделать приятное любимому кому-то и увидеть на его лице новую улыбку, за которую захочется полюбить ещё больше... Любовь кого-то. Любовь к кому-то. Любовь не к ней. Любовь – которой, оказывается, так сильно и страшно не хватает. И не хватает, наверное, даже весь год... Но люди не носят любовь так открыто по улицам круглый год, как сейчас вот цветы. Да ещё и в таких количествах. Чуть ни каждый теперь несёт ведь в руках или в пакетике цветной ароматный кусочек своего сердца, обернутый в прозрачный хрусткий целлофан. Нет другого такого времени в году. И только пару дней в марте каждый год текут по улицам цветочные реки – наверное потому что весна, снега тают, а вместе с ними – сердца. Текут, выносят из души замерзшие там когда-то чувства... у этих людей вокруг – чувства к кому-то. У Таи же – чувства к себе. Текут эти реки цветов и показывают Тае насколько она одинока. Она не знает этого почти что весь год. Не помнит. Но приходит опять месяц март и его цветочные парады маршируют по городу, а Тая каждый раз вдруг заново одиночество свое обнаруживает. Такое ощущение что и память её теперь, с приходом весны, оттаивает, и чувства... Чувства тают и текут со страшной силой из глаз. Чувства даже не могут дожидаться до двери квартиры – такое уж дело весна. Но Тая и дома не может поплакать. Ей, по сути, и остаются лишь лифт и душевая. Потому что дома – дочь. Она с детства больна и не меньше заслуживает сожаления в эти дни. Даже больше... Тая это прекрасно понимает. И понимает что плакать при ней о своем одиноком существовании – негоже. Она осознает что ей стыдно жаловаться на то, какая она несчастная (даже самой себе), когда рядом есть человек куда более слабый и беззащитный. Это Варя должна бы она каждый год и сама дарить пышные, красивые цветы. Это ей стоит стараться, раз уж она хоть здорова – дарить цветы тому, кто сейчас на её попечении. А она не может... До этого года никак не могла. Тая знает что дочь на нее за это точно не обидится – Варя прекрасно понимает и сама что маме приходится тяжело и денег совсем у них нет. Вот в этом году только она наконец подарила цветок своей девочке. Да и то – по её собственной просьбе. Как-то вечером с Варей пошли они чуть прогуляться, зашли в магазин, и пока выбирала там Тая картошку – из мелкой и грязной пытаясь хоть что-нибудь выудить более или менее достойное места в её личном кулечке – у кассы заметила Варя цветочки в пластмассовых формочках для рассады. Ещё не цветочками были они – только луковками, из земли свои

носики высунувшими. И Тая такой вот цветок попросила. Хотя ведь не просит обычно совсем ничего, и даже ту мелочь, что мама ей дарит, не тратит сама ни на что: только складывает в копилочку свою в виде миленького глинянного сердечка. Но в этот раз – попросила:

– Смотри, мам! Какие цветочки! – и рассмеялась своим басовитым смехом на пол магазина, а мама по сторонам оглянулась – нет ли людей рядом. – Давай один купим, и вырастим дома? И будет тебе он и мне на Восьмое марта подарок! Я буду сама его дома растить, поливать – а потом подарю тебе, да?..

И Тая ей не смогла отказать. Впервые ребенок чего-нибудь просит – да ведь ещё и ей, маме, в подарок. Ну как тут не купишь?.. Хотя и цена на цветы, что ещё завезли только лишь в магазин, была не совсем здоровой для Таино, страдающего хроническим истощением, кошелька. Цветок этот Варя был куплен: пусть чем-нибудь девочка хоть развлечется, пока её мамы нет дома. Ведь сложно, наверное, в тринадцать-то лет – и сидеть всегда дома одной, пусть и с самыми разнообразными книжками и игрушками. На улицу Варю одну гулять Тая ещё не пускает – ведь мало ли что может с нею случиться? Всем видно – ребенок больной... От этого и вместе-то гулять иногда очень больно. А отпускать гулять Варю одну – слишком страшно. От школы поэтому даже пришлось отказаться – теперь её Варя пока на домашнем сидит обучении, ведь в школу водить и из школы её забирать каждый день Тая не сможет с её рабочим графиком – ларек открывается рано, а закрывается в то время, когда Варя пора уже будет давно домой вернуться, уроки сделать, и даже уж готовиться ко сну. Да и совсем тяжело б было Тае другим объяснять что дитё её ходит в спецшколу. Ведь есть и те люди, которые Варю не видят – а только ты с ними о ней говоришь. Так – как-то ей легче уж даже... Хотя ничего, уж конечно же, легкого. Нет легкого в том, когда видишь как сильно ребенок твой отстает от других в своем самом обычном развитии. Нет легкого в том, что читаешь открытки – как, вот и сегодня с утра – что написаны почерком столь не похожим на почерк нормального тринадцатилетнего ребенка... Когда видишь дурашливость, инфантильность чрезмерную в поведении – такую веселую, радостную для самой девочки, но невыносимую болью в груди её матери отзывающуюся... Нет легкого в том, что твоя дочь для тебя – это стыд, а не гордость. К таким вещам, как, вот, внешность – очки, прикус или походка неровная дочки – давно уже Тая привыкла. И к чувству стыда перед всеми, кто видит их вместе – конечно же тоже. Но всякий раз для нее новой болью становится что-нибудь, чего она и не ожидала ещё – например вот сегодня – открытка, которую Варя вручила ей вместе с цветком, что расцвел слишком рано – ещё в феврале – и ко времени наступления праздника уже успел так завянуть значительно, что хоть и ещё был живым, но вовсе был не похож теперь ни на какой, хоть едва даже способный поднять настроение, подарок – напротив давил как-то на душу, чувством тоски наполняя её, удручая своим чахлым, болезненным видом. Сегодня расплакалась Тая от этой открытки ещё до цветов – до того как взглянуть на цветами наполненный мир ей пришлось: и потому, может быть, не заплакать смогла наконец-таки после, при виде его, окружающего Таю на улице. Открытка – написанная такими каракулями, каких поискать, да ещё и с рисунком – уродливым до невозможности – склеенная так коряво и неаккуратно, что просто немыслимо для ребенка такого возраста, но с такой радостью Варей подаренная – заставила Таю забыть о приличиях и реветь почти в голос, что Варю саму повергло в некоторое недоумение. И на вопросы ребенка о том – чего она плачет – Тая пыталась опять, как могла, улыбаться и говорить что так – о своем. Поцеловала дочку в щеку, на которой остались горячие мамины слезы, поблагодарила очень сильно за открытку, ведь понимает что та как могла сделать маме подарок старалась, и кое-как успокоившись и умывшись, без всякого макияжа и настроения отправилась на работу. Сегодня опять, стоя весь день на рынке и наблюдая вокруг себя сотни людей – полноценных семей и счастливых влюбленных, родителей со здоровыми абсолютно детьми, богатых покупа-

телей, что прохаживались по рядам, людей с цветами от кого-то и для кого-то в руках – Тая думала, вспоминала и, обливалась слезами теперь внутренне, размышляя о том – как так она умудриться могла сгубить всю свою собственную жизнь?.. Все было бы в жизни её прекрасно, как и у многочисленных этих людей, что, наверное, тоже счастливыми вряд ли считают себя абсолютно, но для несчастной Таи так счастливы, как ей теперь и не снится – будь Тая чуть осторожней при первых шагах, в своей жизни однажды ею совершенных. Всего лишь – сделай тогда она другой выбор, выйди замуж не за того человека, которому сердце свое отдала, или вовсе не выйди ни за кого – так все бы сейчас у нее и сложилось иначе. Ведь был же ещё человек и другой, тоже достойный – и тоже ей нравился он почти настолько же сильно, как Вадик, которого выбрала Тая в итоге – и, может быть, он-то и был тогда верным и правильным самым, как раз, для нее вариантом. А Вадя, вот, получается всю её жизнь загубил ещё при её самом начале. Сейчас Тае уже сорок три, а ещё с тридцати она полностью в жизни парализована – нет возможности у нее ни профессию выбрать какую-то хоть по душе, ни семью вновь создать, ни... Да нет ничего теперь вовсе у Таи. Одна только Варя, которая тоже большая-большая ей боль, хоть и самый любимейший в мире ребенок. Могла Тая жить и не знать вовсе бед. А теперь... Даже, вот, и цветов подарить ей на праздник совсем-совсем некому. Цветок, что расцвел в феврале – уж не в счет. Его лучше бы и не видеть, чтоб не было больно настолько от того, как и жизнь её стала похожа на это несчастное, увядающее в дешевейшей пластмассовой емкости, некрасивое, вялое растение. Если б знала тогда – много лет назад – Тая, что Вадик уйдет, не пожелав нести вместе с ней груз ответственности за больного ребенка, которого сам он ей и подарил, если б знала что он и совсем, скоро, уйдет с земли после этого, и уже никогда она больше его не дожидается обратно (а так ведь ждала!.. Так любила!..), если б знала что совершенно одна в целом мире останется с бедным ребенком, которого нужно кормить, ставить на ноги, а для этого – без всякого продыху работать продавщицей в открытом ларьке на местном рынке, и там мерзнуть зимой, плавиться летом в жару, мокнуть осенью, когда косой дождь бьет к ней под козырек, и топтаться весною в немыслимой слякоти – все только ради того чтобы не на достойную жизнь заработать, а только лишь на повседневные нужды, весьма ограниченные её скромной зарплатой. И чтоб не иметь ни малейшего даже шанса хоть как-нибудь вырваться из закрытого этого, нищенской жизни – тяжелой, убогой и безысходной – беличьего колеса, в котором она изо дня в день, из последних сил носится. Нет ничего в её жизни, что можно назвать достижением, чем можно ей перед людьми похвалиться, да и... о чем сказать просто – чтоб не было сильно за жизнь свою стыдно. Она не виновна, конечно же, в том что попала в плен сложных таких обстоятельств, но ведь сама могла выбрать другого. Могла выбрать Игоря, что приглашал её замуж ещё раньше Вади, но вот – она дождалась, себе же на горе, последнего. Конечно – и в этом не виновата она напрямую, но будучи верующим человеком теперь – Тая знает, что будь она с Богом уже и тогда, знай она сколь важны даже незначительные её самые решения – не то что уж судьбоносные такие, как выбор своего спутника жизни – как сильно способны они повлиять будут на жизнь её в будущем – так Тая спросила бы тысячу раз ещё, прежде чем выбрать, совета у мудрых Небес, и, возможно, не обрекла бы себя на судьбу столь несчастную, столь одинокую, столь тяжелую и ущербную. И дочка возможно бы родилась – но в другой семье, и осталась здоровой. И Тая её точно так же любила бы, но не стыдилась ничуть и не чувствовала бы себя виноватой перед ней – тем что Варю сама обрекла на несчастное, брошенное существование – своим тем, так давно сделанным, выбором.

Сегодня Тая ни разу ещё не заплакала, глядя на мира цветы, что её окружали. Лишь только на вялый болезненный цветок своего дома глядя ревела, и может быть разревется сегодня ещё раз – уже на ночь глядя. Но постарается удержаться. У девочки, все-таки, тоже праздник... Вот, Тая несет с собой свежий лимонный рулет с нежным кремом, и думает что возможно удастся спокойно им с Варей попить чайку за просмотром какого-нибудь семейного фильма, и пережить завершение восьмого ужасного марта, которое, вот, каждый год на нее нападает и

ранит своими цветами, счастливыми и полноценными, нужными друг другу людьми и детьми. Может быть Тая уже не заплачет сегодня... Но может быть что и не сдержится. Ведь все это... Все это выглядит будто её анти-жизнь. Ей мечталось всегда о красавице-умнице дочке... а родилась... её Варя. Хорошая, добрая, любящая... не пожалуешься, но так тяжело... Она мечтала о любящем муже, который поддержкой ей был бы всегда – а... вот, вышло как тоже?.. Она хотела прожить жизнь со смыслом, найти себе дело действительно по душе, а не только для денег – но вот, теперь просто пашет без смысла и цели, без радости всякой и без удовольствия. Ей очень мечталось в такие вот праздники вместе с семьей собираться и вместе сидеть за столом, говорить, веселиться и радоваться, а среди стола – был бы красивый, весенний, пус-кай и не очень богатый, букет. Хотя какой-то... Не этот цветок из пластмассовой формочки, что поник и уже чуть живет. Тая точно попробует не зареветь этим вечером больше. Но это немыслимо сложно. И как бы она ни любила дочь – иногда кажется, что и с ней все что связано – никогда не должно было происходить в её жизни...

– Ма-ааа-ам!.. Привет! – скачет радостно ей навстречу, чуть припадая, как и всегда, на одну свою скрюченную ногу дочка Варя из комнаты. – С восьмым ма-арта!..

– Спасибо большое!.. – как только может радостно улыбается Тая в ответ и пытается, не смотреть на ребенка сейчас, пока чувства, в ней растревоженные до жути цветочными улицами, ещё так сильны что вот-вот могут хлынуть наружу. – И тебя, милый. Поздравляю!.. Я нам тут с тобой принесла, Варюш, вкусный рулетик в честь праздника – давай сейчас чайник поставим, я вымою руки, и сядем чайку попьем. Может быть фильм какой-нибудь найду по телевизору – отпразднуем как-нибудь.

– Урр-рра!.. – весело прыгает Варя на месте, взволнованно как-то, но Тая волнению этому значения сейчас не придала, потому что свое, пока, собственное в ней ещё слишком сильно. – Мам, взять у тебя? Я могу на стол отнести аккуратно.

– Ну на, возьми-возьми. Вот за ленточку берись, чтоб не съехал на бок.

– Ага! Краси-ивый!..

Варя с желтым рулетом в прозрачной коробочке, опутанной золотой ленточкой, пошла на кухню, прихрамывая как и всегда, а Тая, разувшись и куртку с потертыми шапкой и шарфом вместе повесив на вешалку, ушла в ванную мыть руки. Ещё не успела помыть до конца, как услышала в дверь звонок. С удивлением выглянула в коридор, стряхивая поскорее с рук влагу, и громко сказала: "Сейчас-сейчас!.."

Вскоре она оказалась у двери, заметив и Варю, выглядывающую из кухни в прихожую, которой успокаивающе улыбнулась, сама не без внутренней тревоги. К ним никогда и никто не приходит. Да, в общем, и некому. Поэтому от звонка в дверь настолько уж непривычно, что даже немножечко страшно. Тая и звук-то его не признала сейчас сразу: уже через пару секунд поняла только что в дверь звонят, припомнив о том, что её звонок так вот звучит, когда только ему дают право голоса. Дверь Тая поспешно открыла, тревожно просуетившись чуть-чуть над замком и приговаривая громко о том что сейчас откроет, но когда наконец увидела тех, кто стоял за дверью – вся суетливость и спешка мигом превратились в полнейший и изумленнейший ступор. За дверью была девочка лет девяти-одиннадцати, которую Тая увидела первой, ведь вниз как раз, на ручку дверную, смотрела, дверь открывая – красивенькая, светленькая очень – как Барби живая – а с нею мужчи... Тая перевела взгляд вверх по брючине мужской и по куртке, мимо красивого пышного букета мимоз, и на лицо... Лицо было страшно знакомым.

Как часто она вспоминала его, в сожалениях своих и раздумьях над собственной жизнью, как часто просила прощения внутренние, что когда-то в лицо это, доброе и веселое с ней всегда, была вынуждена произнести отказ, от которого в нем изменилось так многое – хоть и не явно, и незаметно, но все же... не к ней изменилось – вообще, кажется, к жизни. Не раз вспоминала лицо это Тая и думала что обрекла и свою жизнь на жуткое будущее – просто немыслимое для той Таи, которая там, в далеком прошлом, свой делала выбор – и жизнь обладателя этого лица изменила значительно. Может быть что и лучше жилось ему после, без Таи, чем ей без него – но... В те дни, когда Тая ещё была рядом – ходила по тем же с ним маленьким улочкам городочка где родилась, и по ещё меньшим того коридорчикам вуза, где оба учились – тогда лицо это казалось настолько потерянным, опустошенным и будто утратившим всю тягу к жизни – такую обычно в нем яркую и искрометную – что она понимала – она нанесла человеку огромный удар. Но чем виновата тогда была Тая?.. Ничем. Она никогда никаких не давала ему, даже малейших, на то поводов, чтоб считать её принадлежащей ему. Они просто дружили. Как точно и с Вадиком. И Тая была абсолютно вольна выбирать. Лицо это в то ещё время составилось скоро – всего за мгновения – как показалось тогда это Тае. Но вот теперь... Да-аа уж – время!.. Теперь оно старше намного, намного-намного, чем стало уже тогда, после Таиногo отказа. Лицо было Игоревое – Игоревое до последней черты своей, до последней неуловимейшей атмосферы во взгляде. Ничье больше – только его.

– Тая?.. – неуверенно и удивленно узнал первым Игорь. – Здравствуй... – растеряно глядит на нее старый знакомый и кажется тоже не верит в то что действительно это Тая – Тая, до последней черты своей – стоит перед ним.

– Здравствуй. – не верит и Тая, – Ты как здесь?..

– Да вот... – Игорь, улыбнувшись, обернулся на дочку, – Букет тебе привезли. Держи. – протянул Игорь мимозы – огромные, желтые, мохнатые: такой большой их букет, каких и на улицах Тая не видит обычно.

– Спа...сибо... – неуверенно полу взяла, а полу не взяла цветы Тая, стараясь не заплакать сейчас же, – Да не стоило, спасибо... большое... Игорь – зачем же такой большой-то?.. Ведь он и стоит, наверное... Зачем ты... Но спасибо большое, конечно...

– Да... Это же не от меня, Тай. – озадаченно заметил старый знакомый, – Я только привез. Это кто-то тебе заказал. Кто – не знаю. Наверное муж?..

– Не...т... Муж не мог точно. – озадаченно не менее, чем Игорь, задумалась Тая, – Он умер... давно...

– А... Извини. Не знал... – расстроился и одновременно как-то ожил, встрепенувшись заметно, её старый знакомый.

– Я даже... Не знаю, и вообще – кто мог. – продолжала раздумывать над задачкой этою сложною Тая. Действительно – кто это мог быть?.. Пожалуй что кроме Вари о ней и, тем более – о её адресе – никто в целом мире не знает. Но Варя цветы заказать ей, ну точно, никак не могла. У нее нет ни выхода в Интернет, ни каких-нибудь электронных счетов, хотя... – А ты не знаешь – как заказали вообще: через Интернет или... Или по телефону позвонили?.. И оплаченные они уже или нет?

– Нет, ну оплаченные – это точно. А... Сейчас посмотрю... Вообще через почту обычно у нас все заказы проходят. Но этот – не помню...

Игорь полез в карман за телефоном и стал разбираться в деталях заказа. А девочка-Барби, что рядом стояла, в это время оставшись с глазу на глаз с Таей в тишине, сказала: "Здравствуйте." очень вежливо, и ей Тая, конечно же, тоже сказала в ответ свое "Здравствуй!" и солнечно разулыбалась. А после добавила ещё:

– Ты очень красивая девочка! Просто принцесса!..

– Спасибо... – потупилась скромно принцесса.

– Хэ-хэ-х, спасибо!.. – заулыбался и Игорь радостно, продолжая отыскивать информацию в телефоне и между тем девочку-Барби ласково приобняв за плечо. – Тай, познакомься – это тетя Тая, твоя тезка. Мы с ней давно очень когда-то хорошо были знакомы и вместе учились. А теперь уж давно не видались очень. Вот – чудом каким-то встретились! Тай, познакомься – это дочка моя Тая. Тоже Тая. Как ты...

– Очень... приятно... – улыбается старшая Тая Тае младшенькой и растерянно очень оглядывается на её отца... Тоже Тая... как она...

– Вот, слушай, Тай: я нашел электронную почту с которой заказ оформляли. Смотри... Знаешь её?

– Нет... – Тая такой почты точно не знала. – Понятия даже не имею – кто это... А... Можно ему... человеку этому... как-то спасибо сказать?... Написать? Узнать – может адресом просто ошибся...

– Да, можно, конечно же. Хочешь – я напишу, попрошу рассказать – кто это? Мне, просто, быстро – я сразу ответ здесь вобью и... Но адресом, думаю я, не ошиблись – твое имя тут и фамилия получателя указаны. Я ещё пока ехал обомлел, если честно, даже – думаю: неужто ты?.. Или полная тезка. Фамилия... ну, Вадикова, то есть. Но я думаю – что и твоя теперь тоже...

– Да... Да, это моя. Значит... Странно. Очень. Ну, Игорь, если не сложно – то напиши им пожалуйста – тем, кто заказывал. А то я толком почтой не пользуюсь. Даже не знаю – сейчас пароль от нее вспомню или... Если не сложно написать будет – то...

– Да-да, я уже... Вот. На, посмотри – проверь, так отправлю?.. – показал ей экран смартфона, на котором был текст сообщения Игорь.

– Да. Отлично. Спасибо большое. Игорь, ну, слушай... Прости что так... вышло... Задерживаю получается. А тебе ведь ещё нужно будет, наверное, дальше куда-то... А я тут...

– Да нет – это у нас с Таей был на сегодня последний заказ. Мы сегодня, видишь, решили с ней вместе заказы поразвозить – дать выходной с семи всем курьерам, а сами – чтоб дома просто скучно не сидеть – поездить букеты поотвозить людям. И самим порадоваться, и город посмотреть, и людям приятно наверное, знаешь, что к ним домой сами владельцы бизнеса с цветами поздравить приехали... Ну, как реклама такая ещё, знаешь?.. – смеется неловко

Игорь, оглядываясь на дочь, – Вот Тая концепцию мне предложила – она маркетолог у нас ещё тот!.. Снимает для видео в соцсети, как папа людей поздравляет, и хочет потом это роликом выложить. Говорит – это может понравиться, и о нас ещё больше узнают... ну... Я думаю – здравые размышления. Но это уже поздравление, Тай, наверное снимать не будем – как-то не хорошо... старых знакомых... в рекламных использовать целях! Да, кстати, Тай, слушай: держи... Это мы всем ещё дарим, кому цветы сами развозим. – пакетик старшей Тае протянул Игорь с логотипом цветочного бренда, – Цветы-то – они не от нас. В любом случае. А вот... хоть что-то...

– Спасибо...

– Да не за что!.. Там блокнотик всего с авторучкой и кружка – стандартный, ну, знаешь, рекламный брендированный набор!.. – неловко смеется её новый знакомый, – Ну, Тай, слушай, с праздником тебя, тоже... Я даже не ожидал что увидимся... Знаешь... Давно не видались. Давно... Ты вообще как?.. Как жизнь, как дела?..

– Да... потихонечку... Игорь, Тая, слушайте – а вы не зайдете, может быть, чайку выпить?.. Мы с дочей как раз собирались сейчас к празднику торт разрезать и посидеть – если хотите, присоединяйтесь!.. Я так поняла что у вас ведь последний заказ – как раз отдохнули бы после работы... Да и поболтать интересно – как ты живешь-то теперь... Уже столько лет ведь прошло!.. А ничего о тебе не слыхала совсем... Или... Или Вас дома, наверное, мама ведь ждет, да?.. Ой, да... Да, я и не подумала... Не подумала, извините. Ну, как-нибудь, может быть, в другой раз тогда лучше и...

– Да нет, нас не ждут. – улыбнулся задумчиво и аккуратненько Игорь, – Мы с Таей сейчас живем вместе – одни. Мамы нет у нас... Она... Ну, уже два года как... на Небо от нас ушла. Так что... Если мы только вас не потревожим с дочей – то... Я с удовольствием бы поболтал. Ты, Тай, как? Хочешь зайти посидеть, отдохнуть чуточку?.. – обратился он к дочери. – Твой же, все-таки, праздник в семье, а не мой. Смотри – как скажешь.

– Да как хочешь, Пап. Я не против. – пожала плечиками Тая младшенькая, – Все равно сидим дома одни – отмечать как-то грустно... Без мамы – вдвоем. – констатировала Тая и улыбнулась своей взрослой тезке с надеждою.

– Ну и отлично! – та улыбнулась в ответ, очень сильно обрадовавшись, – Тогда проходите – сейчас я вам тапочки дам... Куртки вот, здесь вот можно повесить... А мы сейчас с Варей и торт разрежем... Варь?.. – встревоженно очень тем что сейчас надо будет свою представлять теперь Игорю дочь, столь непохожую на его лапочку Таю, выглянула в кухню Тая большая. – Ты чего там?.. Иди познакомься с гостями! – попыталась она улыбнуться выглядывающей из кухни большой, неказистой Варюше со скрюченными ногами, руками, массивными шеей и подбородком, пушистыми темными, паклею, волосами, очками на косоватых глазах и немислимым прикусом, которая казалась сейчас самой Таиной жизнью во плоти, что столь была сложной, болезненной и неприглядной, в сравнении с жизнью, которую олицетворяла собой малышка Тая – миниатюрная, с точеной прекрасной фигуркой и дивными просто чертами аккуратненького личика – настоящая девочка-Дюймовочка... Такая, какой быть могла и её собственная, Таина, дочь – не сделай тогда она свой роковой выбор... Звать Варю и стыдно, и больно, и страшно ей было... Но нужно. Никак без того. Теперь уж никак... И сама виновата...

Варя пришла – потихоньку приковыляла по коридорчику к маме и освобождающимся от курток гостям.

– Здравствуйте. – улыбнулась своею неровной но светлой улыбкой Варюша и, кажется, очень смутилась сама, увидав ещё ближе, чем издали – из кухни – малышку-Дюймовочку.

Та поздоровалась тоже, весьма дружелюбно и, ничуть не презрительно Варечке улыбнувшись, хоть в глазах её и читалась жалость, как и во взгляде её, поздоровавшегося тоже с Варей тепло, папы, протянула девочке поздороваться руку:

– Я Тая. Очень приятно познакомиться. А Вас как зовут?..

– Варя... – проговорила своим басовитым голосом Варя и чуточку захихикала на этом слове от радости такой, что с ней хотят познакомиться. Радость почти что всегда выражала так Варя – немножечко буйно и гипертрофированно, со смехом и иногда даже танцем веселья самого набурного в честь какого-либо порадовавшего её события. Малышка Таечка ничуть не растерялась, хотя с любопытством и вгляделась в лицо новой знакомой, и даже разулыбалась ещё дружелюбнее добродушнее. – Мне... мне тоже... Очень приятно!.. С Вами познакомиться!.. – радовалась Варя. – Вы такая кра-си-вая!..

– А я дядя Игорь. – кивнул ей улыбочиво папа малышки, – Мы с Вашей мамой, Варя, когда-то давно очень были знакомы и вместе учились. Поэтому вот теперь, когда неожиданно встретились – захотели чуть-чуть поболтать: о том, как кто живет, и как дела... Очень приятно и с Вами познакомиться.

У папы Игоря получалось "не замечать" болезнь Вари намного хуже, чем у его маленькой дочери. Он очень растерян и с большой жалостью то и дело оглядывался на Таю – свою старую знакомую – которая прятала от неловкости взгляд в своем букете, веточки которого немножечко нервно, но осторожно, дергала за отдельные мимозные гроздочки чтобы расправить... и пыталась не разреветься сейчас как-нибудь и не сгореть от стыда... С одной стороны от нее была Варя – такая... такая... какая она есть... С другой – зеркало на шкафу. А в нем – сама Тая, за которую тоже теперь было стыдно ужасно: располневшая, постаревшая, поблекшая... С истончившимися от работы на холоде волосами, которые были теперь жидкой выцветшей массой, наэлектризованной буро-малиновым закошляченным свитером, с кожей иссушенной ветром до состояния обожженной, а от того – жутко жирнящейся... без макияжа... без прошлой своей жизнерадостности и смешинки в глазах, без прошлой блистательной красоты.. За себя было стыдно не меньше ей чем за дочку и чем за убогую их квартирку, которая всюду вокруг, и которую всю не упрячешь, как взгляд, в желтый пышный букет.

– А сколько Вам лет, Варя? – поинтересовалась Таечка маленькая. – Вот мне одиннадцать.

Одиннадцать... А какая ведь умненькая девочка!.. Ну совсем уже взрослая. И мало того ведь что умная – мудрая даже: уже понимает ведь что с больной девочкой надо на равных общаться, не унижать как-нибудь выражением хоть малейшей неловкости или смущения в тоне... Тая не налюбуется мысленно на малышку – вот ей самой бы иметь такую дочь!..

– Мне... Тринадцать!.. – басовито хихикнула тринадцатилетняя Варя и добавила, – А я... А я маме цветок на восьмое марта вырастила! Хотите покажу?..

– Ух ты!.. – растерянно попытался из себя как-то выдавить радость Таин старый знакомый, – Ну надо же – какая ты молодец, Варя!.. Да, конечно же... Конечно же очень интересно будет посмотреть. Будем рады если покажешь.

– Ага!.. – ещё радостнее захихикала девочка и в перевалочку побежала скорее в комнату.

Двое взрослых, оставшихся в прихожей, погрязли в неловком, стыдливо-сопереживающем молчании. Только мудрая младшая Тая сказала открытым очень, лишь только слегка сопереживающим – но больше даже ободряющим – тоном:

– Какая у Вас чудесная дочь! Мне кажется – что она очень добрая душа и хороший человек. Я бы хотела иметь такую дочь когда вырасту. Я была бы тогда просто счастлива!..

Оба взрослых застыли в недоумении – это прозвучало как слишком уж неправдоподобная, и может быть – даже насмешливая – лесть, но по виду малышки Таи совсем не сказать было никак что она хоть немножко лукавит или издевается. Слова прозвучали её абсолютнейше искренне – до последней искорки в юных глазах. Поэтому старшая Тая сказала ей только "Спасибо" тихонечко и ещё раз почувствовала что сама, в свою очередь, была бы счастлива немисливо иметь дочку такую, как Тая. А тем временем Варя вернулась с цветком.

– Вот!.. – продемонстрировала она радостно плод своих садоводческих неумелых стараний. – Он не красивый – я знаю... Он рано расцвел – раньше времени – и теперь уж завял почти... Но все равно – цветок!.. – искренне радовалась цветку своему Варя. И маленькой Тае он тоже понравился очень.

– Уу-уух ты-ыы!.. Ка-аакой слав-ный!.. – взяла его бережно Таечка в руки, – Варя, Вы умница! Можно возьму?..

– Да, конечно. – довольная, разрешила цветочек взять Варя.

– Он чудесный!.. Пусть чуть и завял – но уж что тут поделаешь?.. Все цветы увядают однажды. – улыбалась цветку и ей Тая-Дюймовочка, – Зато – это ведь очень большой труд – цветок вырастить и не допустить чтобы он погиб! Я знаю – мы с папой растили на подоконнике из семяншек несколько. Так из них половина, уж точно, погибла – почти ещё сразу... А те, что и выросли – так далеко не все, тоже, красивые. Но главное – что живые. Это ведь чудо такое – когда что-нибудь вырастает, когда жизнь дает Бог чему-нибудь на земле!.. Да ведь, папа?.. Помнишь, ты сам говорил – когда мне о Боге рассказывал: что жизнь, вся на земле – она только Богом дается. И надо ценить её. Абсолютно любую. Поэтому, Варя, Вы молодец что цветок этот любите! Он некрасивый, действительно, если смотреть так – как просто оценщик для магазина какого-нибудь... Вот, как у нас – магазин цветов с папой. И, да – мы такой не возьмем продавать – потому что он хуже по виду других. Но, знаете, Варя, что я всегда думаю?.. Ведь как у всех у нас будут другие тела там – на Небе – когда мы уже к Богу попадем – совсем не такие, как здесь – на земле – так, может быть, что и у цветов: ведь они – тоже жизнь. Они тоже, может быть, все-все там будут красивы! Очень-очень красивы!.. И этот цветок – там таким, Варя, будет, каким никогда ни один здесь цветок и представить мы не могли! А всё просто здесь не такое ещё идеальное, пока мы в этом мире живем – чтоб проверить нас: можем ли мы и не только за внешность любить... правда, папа?..

– Ну... да. – кивнул папа Игорь, растерянно взгляд бросив быстро на Тая другую – не покрутит ли старая знакомая пальцем теперь у виска от такой неожиданной теологической тирады его дочери?.. Помнит он – Тая была тогда, в молодости, убежденную атеисткой, и на него, при попытках заговорить с ней о Боге – смотрела немножечко искоса, хотя и не спорила.

– Да... Меня мама тоже о Боге учит. – кивнула уверенно Варя подруге своей новой – Тае – и Игорь от этого с облегчением и даже радостью выдохнул. – Я Богу часто молюсь – чтобы Он в Небе мне тоже дал новое тело... Не знаю – какое... Но, может быть, что красивое. Я не думала только что, может быть, и у цветка тоже новое будет. А ведь может быть, правда...

– Ну что?.. – улыбнулась растерянно взрослая Тая, – Пойдемте уже, может быть, чаек пить с рулетом?.. А то что же мы все гостей на ногах-то здесь держим?.. Давай, Варь, неси свой цветок тоже в кухню – на стол – поставь, пусть стоит там для красоты... А я сейчас и букет тоже в вазу... – смущенно засуетилась уставшая, не знающая куда девать взгляд ото всех, женщина, которой все жутче и жутче с каждой новой минутой, с которой малышка Тая все больше и больше проявляла свою доброту, мудрость и взрослость, становилось осознавать свою собственную жизнь, – Вы проходите, не стойте – вот, руки можно хоть в ванной помыть, хоть на кухне... Но в ванной немножечко кран... там... течет... осторожненько – чтоб вас не облило. Сейчас я чайку сделаю...

– А я!.. А я!.. Сейчас полить как раз свой хотела цветок!.. Мам, я полью и на стол тогда, после, поставлю?.. Да?!

– Да-да, пожалуйста, Варь... Конечно...

– А можно я помогу? – зажглась идеей полить цветок и Таюша, – Вы как его поливаете, Варя, из-под крана или заранее воду отстаиваете? Мы вот отстаивали с папой – чтоб хлорка выветрилась.

– Да!.. И я. У меня леечка есть... Она из набора для пасочек. – пояснила довольная Варя, вместе с цветком и новой подругой шагая на кухню.

– Да?.. Здорово! А можно посмотреть? У меня – просто баночка была с водой...

– Как наши сдружились-то!.. – кивнул вслед девочкам Игорь немного извиняющимся тоном.

– Да-аа... – растерянно полу засмеялась Тая, – Да... У тебя чудесная дочь! – кивнула она, задумчиво глядя вслед девочкам, что оживленно общались на кухне как воспитательница с любимым ребеночком в группе, кружась пчелками над убогим цветком.

– Спасибо... И у... Вы здесь давно уже с Варей живете? – узнал Игорь, оглядывая с некоторым состраданием и даже чуть ли не ужасом помещение.

– Да... Уже пятнадцать лет. Мы ещё с Вадей сюда переехали – до Вари ещё. А, вот, двенадцать лет с нею вдвоем уже только живем здесь и...

– Вадик двенадцать лет назад, получается, умер?.. Надо же...

– Нет – он только девять лет назад... Разошлись просто... Раньше.

– А... Ясно. А от чего он?

– Не знаю... Мы с ним почти уже не общались. Сказали что, вроде бы, на остановке его нашли – но что точно... Так и не удалось, вроде бы, установить. Наверное с сердцем что-то...

– А, ну ясно... Жаль... Жаль. Хороший был парень... Ну...

– А Вы?.. Давно с дочкой тоже одни?.. А – да, ты же сказал уже, точно... Два года. – вспомнив, ударила себя пальцами по лбу Тая, – Жена у тебя очень красивая, наверное, была. Девочка у Вас просто куколка!.. И на тебя тоже похожа.

– Да... Марина, она... Ну, она, да – красивой была. Очень. Не такая как ты – но все-таки.

– А от чего она?..

– Рак.

– А... Девочка знала, наверное, заранее, да, что мама уходит?..

– Да... Ну, за пол года точно.

– Да... Это, наверное, очень тяжело, конечно, было осознавать для ребенка... такое... Бедная девочка. Маму любила, наверное, очень?..

– Да... очень. Ну мы с ней старались всегда говорить – вот, о Боге, о вечности... Что мама будет всегда там жива, что они ещё встретятся, если Тая вести себя хорошо на земле будет... В общем – ну, видишь сама – она в это верит... как и я сам, в общем-то... поэтому – как-то полегче в итоге, я думаю, перенесла расставание. С такой точки зрения, понимаешь, на него глядя.

– Да, молодец. – кивнула Тая понимающе, – Она вообще у тебя очень умненькая. Очень. Не по годам взрослый, осознанный человек.

– Да-аа уж... И не говори. Она меня часто, самого, своими мудростями удивляет. Очень светлый ребенок... Ты в Бога теперь тоже веришь?.. – осмелился наконец-то спросить Таю Игорь.

– Да... Теперь уже. – кивнула та, сокрушенно зарыв взгляд в букет, – Жаль что раньше не начала. Думаю – жизнь тогда лучше сложилась бы... А теперь – видишь?.. – чуть не заплакала Тая, но удержалась пока, – Сильно не чем похвастаться.

– Нет, ну... как... – не нашел что сказать её друг, – Тай, ты большая молодец. Вон – дочку одна растишь и не бросила, справляешься как-то – да это не всякому ведь под силу. Ты боец. У нее что, если не секрет?.. ДЦП, да?..

– Нет... ну и это... Ну, там букет у нас целый. Врачи очень сильно напортили в первые дни. Там и с прививками вышла неразбериха, и лекарства нам назначили вообще... через пень-

колоду... Ну, много чего... неприятного вышло. Не знаю – она, может быть, и была бы нормальным ребенком, если бы в первые дни как-то... чуть по-другому все было... Но... так уж случилось.

– Да, понимаю... Бывает. Ну... Тай, ты прости что сегодня я... так... Без букета нормального – от себя чтоб... и без подарка... Не знал ведь что встретимся... А так бы... Очень неудобно, конечно, вышло. Ты извини...

– Да нет, ты что, Игорь!.. Даже не думай! Ты, наоборот... мне... букет, вот... принес... – чуть опять не заплакала Тая, – Спасибо... очень приятно... Очень...

– Да не за что... кстати – тот кто заказывал не написал ещё ничего. Нет ответа пока. Если бы телефон ещё был... Тай, а тебе кто-нибудь, вообще, кроме Вари, цветы дарит когда-нибудь, или...

– Нет... – прошептала в цветы, заплакав все-таки немножечко Тая, из-за чего и пошла поскорее вперед по коридору, чтобы Игорь не заметил, – Спасибо. Пойдем к столу...

– Ну... – Игорь не нашелся что сказать – растерялся только очень сильно и, побегав глазами по коридору, пошел за Таей следом.

Чай пить наконец все уселись за стол, в середине которого красовался теперь большой пышный букет желтых сладких мимоз и цветов Вари – крошечный и убогий в сравнении с прекрасными цветами, и Тая разрезала желтый – почти как мимозы – рулет – на всех поровну. Разложила по блюдечкам и на секунду какую-то, пока клала кусочек на Варино блюде, в груди странно сжалось – совсем отчего непонятно. Может быть от того что кладет ей она теперь четверть рулета всего, а хотела ведь чтобы сегодня её девочка скушала половину, а то и чуть больше – Тая бы от своего ей кусочка ещё чуть-чуть отдала – ведь праздник все-таки, а для дочки она ничего сейчас больше в подарок не принесла. На секунду так стало ей жалко Варю, что чуть не заплакала Тая опять – но взяла себя в руки и внутренне убедила в обоснованности таких переживаний – да завтра же снова ведь купит какой-нибудь торт и Варю ещё принесет. Ничего в этом страшного. Просто, наверное, слишком сегодня уж много волнений на долю на Тайну выпало – вот и встревожить способно её теперь все что попало.

– Спасибо, мам! – поблагодарила её за кусочек свой Варя радостно, и сердце у Таи ещё больней сжалось. С чего?..

Успокоив себя, Тая стала садиться.

– Спасибо большое. – вежливо улыбнулась ей Тая младшая, которая задержалась чуть-чуть за мытьем рук и теперь садилась за стол к своему кусочку. – Мама точно такой же рулет всегда покупала...

– Да?... – удивилась Тая старшая.

– Да. – кивнул Игорь. – Именно этот. Любила его очень...

– Ну надо же...

– Вы и похожи тоже очень на маму. – добавила Таечка, – Очень-очень!.. Да, пап?

– Ну... – растерянно пожал плечами папа, – Да... Очень. Мне всегда казалось что твоя мама на тетю Таю похожа ужасно. Но не всем, конечно же. У нее, все-равно, не такое лицо... было... Тай, слушай, ну Расскажи может быть о себе что-нибудь?.. Как живешь, где работаешь?

– Ну... Да, рассказывать сильно и нечего!.. – засмеялась неловко Тая старшая, и начала излагать, – Работаю я на рынке... в ларьке. Ну – овощной простой, знаете... Продавщицей. Ну... Вот, да и все. Живем!.. В целом... Варюша, вот, учится... потихоньку... дома. Ну... так. Все своим чередом.

– Это очень полезная профессия – продавец. – одобрила младшая Тая, – Папа, вот, тоже, по сути, продавец. Да, пап?.. Только цветы продает, а не овощи. У него свой большой-большой склад и там мно-ооого очень цветов! Разных-разных!.. Каких только нет! И всегда новые появляются. Люди у папы заказывают эти цветы, и флористы букеты для них собирают, а курьеры потом их развозят... Вот.

– Ну... – засмеялся её папа, – Вот Тая уже обо мне все и рассказала – больше даже и нечего! Так и живем, словом... Тай, а ты на переводчика так и не стала учиться? Ты ведь, я помню, хотела.

– Да... Как-то немножечко времени не было. Да и...

– Ну, может быть, значит – теперь стоит снова попробовать?

– Да не-еет!.. Нет, конечно... Теперь уже... Уже поздно для этого.

– Да почему же? Не поздно. Абсолютно не поздно! Чего же поздно – ты молодая ещё, Тай у тебя всё ещё впереди!

– А Вы, кстати, не думали снова замуж выйти? – задала Тая младшая дерзкий до невозможности, вроде бы, вопрос – но так абсолютно участливо, искренне и доброжелательно – что обвинить её хоть в малейшей наглости из-за этого не представлялось возможным.

– Ну... – смутилась Тая, – Я как-то... не думала ещё даже про это. Как-то и поводов не было даже задумываться.

– Я, просто, вот папе всегда говорю что ему бы неплохо ещё раз жениться, раз он, вот, один на земле остался. Ему даже мама про это всегда говорила – что, вот, не будет её на земле: так он лучше нашел бы себе и другую жену – чтобы и ему одному не быть, и мне... Вот и Вы – вы ведь тоже одни с Варей в мире остались?.. Наверное нужно и Вам тоже выйти опять за кого-нибудь замуж. Чтоб было не так тяжело. Это ведь тяжело – когда нет в семье мамы или папы, да, Варь?.. Вот я и думаю...

– Та-аак!.. – засмеялся растерянно Игорь, – Сейчас нас так Тая с тобой, Тай, за ужином прямо и женит!.. Я уже знаю – к чему она клонит!

– Да?... – удивилась и разулыбалась растерянно взрослая Тая.

– Да – у нее эта песня всегда: "Пап, женись – тебя мама просила!", вот... Нет, в этом случае, как бы, я сам и не против. Я, Тай, тете Тае когда-то, ты не поверишь, и сам предложение делал – хотел её в жены взять... О-ооочень давно. Но вот... Я-то не против – вот тетя Тая, наверное, не согласится. Так что...

– Да... Я просто даже к таким разговорам готова ещё не была и совсем, Тай, прости уж!.. – и взрослая Тая, растерянно глядя на Игоря, засмеялась с ним вместе. – Да, папа действительно делал когда-то мне предложение. Только я отказалась. И, знаешь, жалела с тех пор много раз – потому что твой папа, конечно, хороший был человек. Но... теперь уже поздно, конечно...

– Да нет – почему же это поздно? – запротестовала уже очень радостно младшая Тая, ведь видела что двое взрослых, пожалуй что, и не против её предложения – только не могут так просто и быстро, конечно же, с ним согласиться. – Совсем и не поздно!.. Вон – папа ещё молодой, Вы ещё... тоже. И Варя сестричкой тогда мне была бы! Это было бы здорово!.. Да, Варь?..

– Конечно. – согласилась и Варя тотчас же, – Конечно же, да... Я бы очень хотела... чтоб у меня была такая сестричка. У меня никогда не было сестрички. И папы...

Тая взрослая и Игорь очень даже растерянно переглянулись. Он поискал у нее в глазах – можно ли вообще говорить о таком дальше?.. Она поискала в его глазах – правда ли хочет он вообще о таком говорить?..

– Ну... – наконец начал Игорь, – Тай... Знаешь... Я сам даже не ожидал что наши... девочки... так вот всё это за нас с тобой быстро решат!.. Хэ-хэ... Ты знаешь, конечно такие вот вещи – они не решаются быстро, и просто – но... С другой стороны – мы с тобой уже взрослые люди – не молодежь, как раньше. Уже о таких вещах говорим... как бы... с более практичной даже, что ли, стороны вопроса... Если тебе тоже так будет лучше... И Варе... Чтобы – как-то, ну, знаешь, друг другу всем помогать, как-то вместе тянуться и... вообще – чтобы не скучно жилось поодиночке – то я абсолютно не против. У нас с Таей довольно большая трехкомнатная квартира, все там поместимся, думаю, абсолютно свободно... Ну и... Я думаю – девочкам будет так лучше наверное. Вместе ведь веселее. Ты как сама думаешь, Тай?..

– Ну... – развела над столом руками старшая Тая, – Вы мне не оставляете, просто уж, кажется, выбора!.. Я не знаю... Ну... Варя, Тая, если вы точно не против и... Игорь тоже – если ты сам этого хочешь, то... Ну, наверное... Наверное я согласна.

– Правда?.. – тотчас же выпалил Игорь, остолбенев над столом, где сидел, и глядел как на диво дивное теперь на обычную Таю.

– Ну... наверное... – сама себе тоже не верила Тая. Не верила, но... Слишком много уж раз она обдумала за последние годы свой тот, прошлый, ответ, что однажды уже прозвучал в разговоре подобном, столько раз пожалела о том что тогда ещё, множество лет назад, не сделала его положительным – что теперь, когда так вот – чудесным, немыслимым, образом – ей предоставился вдруг второй шанс – она не знала уже иных вариантов – как только сказать "Да". Слишком страшно опять говорить было "Нет". От первого "Нет" – так неимоверно тяжело и долго тянулись последствия, что... Вторую такую же жизнь уже Тая не выдержит – точно. Да и о жизни его – Игоря – столько уже раз сокрушалась за это время Тая... Так жалко ей было того молодого человека, которым он был тогда – много-много лет назад – так часто про-

сила у Бога прощения Тая за то что так сильно расстроила человека – почти что убила – в то время как он ей не меньше ведь нравился, чем тот же Вадик, но... Но только вот Вадика Тая решила дожидаться, с чего-то, и, да, дождалась... А отчего ей его было ждать?.. Может быть – от того что он более был красивым?.. Может быть от того что хотелось ещё от него ей услышать признание?.. Да, ну слышала... Может быть от того что он был недоступным каким-то, чуть более, для нее человеком, чем сразу пришедший к ней с открытым сердцем и прямым предложением руки Игорь?.. Хотелось его больше завоевать? Из интереса?.. Из азарта?.. Не знает Тая. Все что осталось в прошлом – давно уже принакрыто туманом времени – и теперь она может как безосновательно вовсе пытаться себя обвинить в чем-нибудь, чего точно не помнит, так и оправдывать безосновательно тем, что теряется тоже в тумане. Может быть что она, правда, влюбилась тогда просто так, и наивно, и чисто. А может быть – что и чувства азарта какого-то тоже вмешались. Ведь помнит она – четко помнит – что выбор тогда внутри себя между двумя этими делала... В любом случае – побывав уже в положении брошенной, Тая знала теперь – каково это, когда любишь, ждешь, надеешься, а... Теперь уже, ещё до встречи – такой неожиданной и чудесной – она полюбила отвергнутого ею Игоря за одну только боль, что ему причинила сама же. Уже много раз, вспоминая о нем, она понимала что любит его – не как мужа, возможно, а как сыночка, которого очень хочется ей обнять и согреть, когда знает теперь она – как ему, должно быть, до ужаса холодно...

– Ну... У меня друг... – не верил ещё до конца, кажется, её старый товарищ, – знакомый... один... в ЗАГСе работает... и если... ты, правда, не против... то я могу попробовать договориться – чтоб нас как-то быстро оформили... А переехать к нам можете с Варей хоть сразу – хоть сейчас. Сейчас уже только, наверное, поздно – Вы вряд ли захотите сегодня собираться... А завтра...

– Да... – кивнула, глядя в стол, Тая, – Наверное завтра...

– Ну... Хорошо. – глядел на нее огромными глазами, не моргая, Игорь.

– Спасибо! Варя? А у тебя есть ведь игрушки? – шепнув взрослым сперва осторожную но веселую свою благодарность, узнала у новой сестры обрадованная младшая Тая, – Ты мне не покажешь их?.. Хочу познакомиться с ними. Мы вместе теперь ведь, наверное, будем жить...

– Да, есть... – разулыбалась неловко и Варя, – Конечно – сейчас покажу. Мам, можно?

– Конечно, Варь. Покажи...

– Пойдем тогда, Варь! Ты ведь уже тоже доела?.. Я – да. Спасибо большое Вам за рулет! Очень вкусный. Мы с Варей пойдем тогда сейчас, игрушки посмотрим – а вы, может быть, поговорите ещё, обсудите всё здесь без нас – позовете потом, когда договорите уже, ладно?..

– А...да, ха-ха!.. Хорошо! – засмеялся Игорь.

– Хорошо, Тай! – и взрослая Тая ей улыбнулась.

И дети ушли.

– Ну что?.. Давай говорить тогда. – предложила Игорю Тая, – Нам с тобой разнарядку на это дали. Надо теперь выполнять.

– Да-да... Тай... Слушай, ты извини что так вышло... Ну, резко и... Я не хотел бы тебя смущать этим... всем... как-то... Понятно что так дела быстро не делаются и...

– Знаешь, я слишком... слишком долго, и так уже, тебя заставила ждать и... – заплакала немного Тая, – Прости... Прости... знаешь, я часто думала в эти годы и о тебе, и о... о том – как тогда у нас всё получилось. Ты знаешь, я... я не знаю как вышло так что... Что я не сказала тебе "Да"... просто... Просто так вот. Я... мне тебя очень жаль, Игорь, было уже очень-очень много лет... Я теперь... тогда глупой была, молодой. А теперь знаю. Я знаю – как это, когда ты ждешь человека, а он... а он тебя бросает. Прости... Я тогда была жестокой только потому что я... не знала... А теперь знаю. Я даже винить толком Вадика не могла никогда... за то что он ушел. У него хоть причины весомые были – Варя и... А у меня?.. Что? Ты мне всегда тоже нравился – такой ты... веселый и добрый... хороший был... А я... А я тебя бросила тоже... Прости. Прости пожалуйста...

– Тай, ну... Ну ты ведь меня не бросала. Ты просто свой сделала выбор, когда... мы ведь и не были с тобой ещё ни в каких отношениях – только друзья. Ты имела полнейшее право на то чтобы не соглашаться их и начинать. Я это прекрасно понимаю, Тай. А бросить тебя, когда ты уже с человеком в браке и... есть ребенок... Ну это же не одно и то же, Тай?.. Я даже... не ожидал, если честно, такого от Вадика. Думал что за тебя быть спокойным теперь могу – ты в надежных руках... Тай... Это ты меня прости. Прости пожалуйста, что столько лет не интересовался, не появлялся... Я думал... Я просто тебя не хотел смущать и... Я думал ведь что у тебя всё совсем хорошо. А если вдруг объявлюсь – то подумаешь только что снова навязываюсь... А надо было ведь появляться. Ты так вот живешь и... Одна...

– Да, так вот... Да... Да, видишь – вот... Стыдно мне очень теперь за свою жизнь... – призналась Тая, – Очень, очень стыдно... Но я сама её выбрала, сама в нее вляпалась... Сама виновата.

– Да почему же стыдно, Тай?.. Ну... Ничего абсолютно постыдного нет в твоей жизни. Мне, лично, так кажется. Чего же стыдного?.. Если сложно – так это... Так это же не твоя вина, Тай... Я... Я думаю, что человек, который живет тяжело, но по-человечески, знаешь... вот – дочку не бросила ты, например... хотя ведь могла... Такой человек – он достоин, наоборот, много большего, чем тот, у кого, может быть, все и прекрасно, но он...

– Игорь, спасибо... Спасибо большое. Я все понимаю. Все это... Но... Знаешь – пришло мне, наверное, так вот, возмездие, Игорь... Тогда я была, раньше, в позиции, понимаешь ли, сильного – я была той, кто, вот, выбирал. А теперь... Теперь я... Теперь я никто, Игорь. Теперь из нас двоих – я как раз тот, кто никто... Кому благодеяние делает, может быть, человек, что соглашается, а не наоборот... Теперь я... Теперь я считаю для себя счастьем что ты... ты, вот так вот, пришел и... и меня выбрал. Теперь это все возможно не потому что я пожалела тебя, а потому что ты меня... Спасибо... Спасибо большое за то что ты появился и, вот... Я очень устала... Игорь... Очень. Ты даже не представляешь – как... как это всё... тяжело. Жутко... Да – я теперь тебе благодарна до ужаса только за то что... ты предложил. Потому что... ты знаешь – я уже скоро не выдержу... все это... Понимаешь?.. Мне очень, оч-чень тяжело так... одной... и... Мне кажется – это возмездие. Когда тяжело тебе было – а я тоже видела, Игорь, что было ведь тяжело – так я ничего... я никак не откликнулась. Мне нужно было дойти уже только до дна, чтобы сделать этот шаг. И наверное – правильно. Правильно. Не должна я была быть в отношениях этих, наших с тобой – выше. Я не должна была быть той, кто делает одолжение

и спасет. Это было бы в корне неправильно... несправедливо к тебе. Я не достойна этой роли. Понимаешь?.. Я должна... я могла только так в отношения эти войти – когда с меня жизнь уже сбила всю гордость... Всю... спесь, знаешь?.. Я думаю – что это верно...

– Тай... Тай, ну не волнуйся, ладно?.. Ты знаешь что?.. Знаешь что... ты про это не думай про все... вообще – кто ниже, кто выше... и кто кого выручает. Не надо... Это все, вообще не про то. Честно... Ты знаешь... Я, если бы, даже королем всего мира был, а ты... я не знаю – ну... на улице вообще бы жила... вообще самым бедным была б человеком на свете – я все равно был бы тебе благодарен... немислимо благодарен, Тай, за то что ты, вот... согласилась бы. Ты... ты понимаешь – да это всегда было самой моей большой мечтой – быть с тобой рядом... Понимаешь?.. Я даже не знаю – как так получилось, как я тебя так полюбил, но... Наверное Бог только знает – за что, почему и... когда. У меня ощущение что с рождения, Тай. Я смирился давно с тем что ты никогда мне женой не будешь – но я себя даже не представляю отдельно. Ты понимаешь?.. Я все эти годы... все эти годы ложусь спать и просыпаюсь с чувством что никогда о тебе не смогу забыть. Никогда не смогу о тебе не думать... И то что... и то что сейчас вот произошло... Да я до сих пор ещё даже поверить-то не могу в это, Тай!.. Ты понимаешь?.. Я даже коснуться тебя – хоть, вот, за руку взять – боюсь... Боюсь что ты просто исчезнешь. Исчезнешь, как сон. Это все – как во сне. Как будто бы так и не может быть... Понимаешь?.. Я все эти годы так ждал и... И думал что никогда уже. Я в Бога ведь верю – а ты замуж вышла. Значит ты не моя уже, пока муж твой жив. А потом – и ещё я, вот, женился... Ты знаешь, Марина... Я никогда её так не любил, как тебя. Но она... она очень была, знаешь, несчастная. Вот она – да... Да, мы с ней оказались в таком распределении, как ты мне сейчас сказала... Да – вот Марину я в жены взял чисто из жалости. Чтобы помочь. У нее в жизни много чего, Тая, было... такого, что... Ну и вообще. Нет, я любил её. Тоже. Но не так, как тебя, Тай. Просто думал что... ну, ты для меня навсегда уже потеряна. А вот Марина – ей я был нужен. Она была очень хорошая... И я рад что с ней... встретился и прожил хоть какое-то время. Это было, наверное, правильно. А то что... Знаешь, мы все в жизни делаем часто какие-то свои, собственные, ошибки... Но главное – если мы их признали и к Богу пришли с ними – то Он может и прежние ошибки наши обратить во что-то лучшее для нас. Знаешь, Тай – как если ты сеешь на поле что-то... хочешь засеять там что-нибудь хорошее, растишь, надеешься что оно вырастет – а потом понимаешь что ты ошибся ещё в самом начале... не те взял тогда семена, что желаниям твоим соответствуют... То ведь все равно – все что растет на земле подчинено воле Божьей. И Он может в любой момент сделать так, что – пусть и не эти растения как-то изменятся или... Да обстоятельства все вокруг так изменятся, что тебе это ненужное растение, которое по ошибке у тебя выросло – принесет сейчас пользу: сейчас как раз именно оно тебе будет и нужно. Тай, может быть так и Бог для нас сейчас наши ошибки в былой нашей жизни – обратит... ну, во что-то опять хорошее. Не ошибки, а... Пути, понимаешь... Мы заплутали, с пути большого, прямого и правильного, сбились – а Бог сейчас те тропинки, которые мы с тобой выбрали, возьмет может быть, да и выпрямит – приведет опять к главной дороге. Тай... А то что случилось сегодня – я в это поверить ещё даже не могу, Тай. Да это мечта всей моей жизни, ты понимаешь?.. Я сейчас сижу и тарашусь на тебя только, потому что не знаю что делать даже... Я просто не верю. И если... и если это правда, Тай... если ты правда хочешь, то... То я даже не знаю... Спасибо огромное тебе, Тай!.. Спасибо большое... Ты даже не знаешь, что для меня сейчас этим сделала... Тай, ты... спасибо. Спасибо большое...

– Ну... Все, Игорь, все хорошо, успокойся. Конечно, да – это правда. Спасибо и тебе тоже большое... Я тоже... не думала даже, что для меня – такой уже, какая я сейчас есть – может быть ещё новая жизнь... Спасибо... Я... Знаешь что, я завтра буду до девяти на работе, а по...

– Бросай её, Тай. Не надо туда больше ходить.

– Ну как же?... А я же...

– Не надо – брось, даже не думай. У нас с Таей много... достаточно и зарплаты и... и накоплено уже. Нам на все хватит. Захочешь устроиться потом на работу – на хорошую, любимую, несложную – пожалуйста. Если это тебе в удовольствие будет. А так – не надо. Бросай, даже если ещё... что-то там тебе не выплатят сейчас или... Бросай. Позвони и скажи что ты больше совсем не придешь. Если надо – то я и ещё доплачу, если будут убытки какие-то из-за того что не выйдешь сразу. Не надо, Тай, не ходи... хорошо?.. Если ты там работала просто потому что я этого не знал, то... да и то я в этом, все равно, виноват. Тай... Я очень перед тобой виноват. Очень-очень. Пожалуйста не ходи никуда больше. И с Варей я помогу – как могу. Если что-то особое надо... я ведь не знаю – уход, там, лечение... Погулять сводить или... Давай лучше завтра займемся уже переездом? Я документы подам, потом вещи ваши перевезем с Варей к нам и... Ну, как-нибудь разберемся. Если хочешь – поехали даже сегодня?.. Поехали без вещей пока, без всего... Самое необходимое на день возьмешь, а так у нас там ведь все есть, тоже, с Таей. Потом заберем, завтра, вещи. Тай, я не хочу чтоб ты здесь жила больше. Даже день здесь жила. Это ужасно... Да, это ужасно – как ты, Тай, живешь. Да, жутко. У вас абсолютно неприемлемая для жизни квартира, да, вижу. Но это не твоя вина, Тай. Это моя. Понимаешь?.. Я ведь знал, я ведь чувствовал что мне Бог ещё дает о тебе мысли. А я не подумал ведь даже – что, может быть, мне хоть узнать о тебе что-нибудь нужно – ну, навести как-нибудь справки – и не для того это только будет, чтоб мне лучше было... но чтоб и тебе... Я виноват... очень сильно.

– Ну, в том как теперь я живу – ты уж точно не виноват, что ты!..

– Нет, виноват, Тай... Очень...

– Игорь... Все. Давай больше не будем об этом. Ты не виноват. Да и я может быть тоже. Я только в одном виновата уж точно – в том что не видела раньше... самого лучшего человека, что был рядом. Прости... Давай завтра будем, действительно, уже лучше переезжать?.. Одна ночь ничего не решит, а Варя, боюсь, не заснет потом, да и вообще – для нее это стресс будет: так вот внезапно куда-то поехать – без книжек своих, без игрушек. Давай не спешить. Хорошо?.. Завтра.

– Хорошо. Если ты думаешь что так будет лучше – то давай завтра. Мы, тогда, сейчас с Таей поедem к нам, да?.. А потом, завтра, вернемся и... Тай... Тай, мне страшно. Мне страшно сейчас уезжать. А вдруг... А вдруг ты уже завтра... ну... передумаешь или...

– Да нет... Нет, ну как же?.. Я ведь сказала уже "да" – значит уже назад пути нет. Я не могу так быстро свое слово нарушать.

– Хорошо... Но все равно – страшно!.. Очень... Тай... Надо хотя бы, тогда, телефонами обменяться!.. – смеется неловко Игорь, – А то ведь не дозвонимся потом друг до друга!

– Да-да, давай... Мне диктовать или ты?..

– Давай твой сначала я запишу... Сейчас, так... Контакты... Ага?

– Да... Восемь...

Через час с небольшим Тая в комнате погасила свет и прошла к своей кровати.

– Спокойной ночи, мам!.. – сказала Варя в темноте со своей.

– Спокойной ночи, Варь.

– С праздником тебя ещё раз!..

– Спасибо большое... И тебя тоже... Варь? Ты не против что мы теперь станем с дядь Игорем и Таей вместе жить?.. Просто, может быть, ты постеснялась при них об этом сказать – но если ты вдруг не хочешь, то... То ты меня пойми, Варь, пожалуйста – я просто очень устала. Мы ведь с тобой живем тяжело. Тяжело очень. А... А дядя Игорь – он хороший. Очень. Я с ним давно очень была ещё знакома. Ещё когда тебя не было. Поверь мне – он будет к тебе тоже... очень хорошо относиться. А ещё у них с Таей большая красивая квартира – и ты там тоже будешь жить... И мы с тобой чаще время вместе проводить сможем, потому что я со своей работы уйду. Хорошо?..

– Хорошо, мам, конечно. А может быть...

– Что может быть? Варь?..

– Ну... Может быть я сама здесь жить останусь?.. Здесь ведь никто жить не будет? А я уже большая, я могу.

– Варь, нет конечно же. Это даже не обсуждается. Конечно же ты будешь жить с нами. С чего это вдруг ты захотела одна жить? Ты дядю Игоря с Таей боишься?..

– Нет, они очень хорошие. Тае даже игрушки мои очень нравятся. Просто... Мам, а вы меня в интернет сдадите?

– В какой интернет?.. В интернат?

– Да. Я помню – тебе тетя в больнице про интернат говорила. Вы меня туда пошлете?

– Ну... нет, Варь. С чего ты взяла? Никто тебя никуда отправлять не собирается. Я же тебе говорю – у папы Игоря дом большой... Мы там все поместимся. Поняла?

– Да. Но я, просто, очень хочу побывать в интернате. Мне интересно – как там. Там ведь много, наверное, детей – я бы с ними дружила...

– Так... Спи лучше... Ты просто, вот, с Таей дружи пока лучше с одной – хорошо? Она лучше многих-многих детей. Тебе у нее многому поучиться, Варь, можно, о многом с ней поговорить. Она девочка умненькая очень, видишь, и...

– И красивая.

– Да... Ну давай спать, а то завтра вареная будешь, а нам ещё вещи с тобой собирать. Спи давай. Спокойной ночи...

– Спокойной ночи, мам...

На следующий день принялись собирать вещи, и когда Игорь с Таем приехали – часть сумок уже была готова.

– Извините нас, мы ещё возимся!.. – оправдываясь, поспешила ставить чайник Тая старшая, – У Вари вещей столько – книжки всякие – а она ничего из них ни в какую выкидывать не хочет!.. Все-то ей нужно!.. Варь, давай побыстрее, чтоб мы дядю Игоря с Таем уже не задерживали. Сейчас я вам чай сделаю – попьете с дороги...

– Спасибо, Тай. Да не спешите – успеем. Я сегодня весь день ведь свободен. Все хорошо. Собирайтесь спокойно. Я, что собрали – в машину потом отнесу. Если надо будет – два раза съезжу, заберу что не влезет.

– Да уж тут не влезет наверное – если так Варя все будет с собою тащить!.. Варь?.. Слушай, давай будем что-нибудь, правда, уже выкидывать просто, а?.. У тебя большая часть игрушек и книжек – уже слишком детские. Ты все равно из них выросла. А дяде Игорю все это тащить ведь ещё придется. – ушла в комнату Тая, – Зачем тебе?.. Вон, лучше, Ване соседскому давай отдадим? Он маленький ещё – ему это все как раз. И мальчику радость, и нам легче... Вот что ты тут собрала?.. Та-аак... Слушай, иди пока тоже на кухню – я чай и тебе сейчас заварю, когда чайник вскипит, а я разберусь здесь пока – что из этого надо действительно, а что... Ты свою копилку-сердечко не забудь, главное. Где она у тебя?.. Я сегодня не видела ещё... Варь?..

– Ма-аам, потом, ага?.. – отозвалась Варя уже с середины пути по коридору, а через несколько ещё секунд появилась, растерянная, на кухне, улыбаясь смущенно Тая и новому папе.

– Тай, я тебе, если хочешь, игрушки свои подарю!.. – обрадованно заявила она, – Тебе ведь они нравятся?.. Я их для тебя все и беру: мама говорит что они для меня уже детские слишком. А ты ведь меня младше – тебе пригодятся.

– Спасибо большое... – заулыбалась Таечка, – А я, тогда, тебе свои подарю тоже – они у нас там, дома. Когда захочешь – всегда можешь с ними играть. Я все равно ими теперь уже редко пользуюсь...

– Варя?.. – старшая Тая уже возвращалась на кухню к закипевшему чайнику с игрушечным старым зайчиком в руках. – Ну вот скажи мне – вот заяц зачем тебе этот нужен, а?.. Он уже весь так затерся что... Даже дарить его стыдно соседским-то детям, а не то что... Я даже не помню уже – когда он, вообще, у тебя и откуда... Ему тысяча лет!.. Ну?.. Давай хоть такое уже оставлять, а не возить с собой с места на место?..

– А можно его Варя, все-таки, возьмет?.. – сразу же за зайчика вступилась Таюша, – Он очень важный – он памятный. Варя им потому дорожит, что он ей напоминает о том как

вы вместе ходили в большой магазин, и Вы ей его купили и поцеловали ещё Варю в щечку. А на улице дождь ещё такой чудесный шел, и вы долго тогда на крылечке магазина стояли, пока он немножко не стих. Зайчонок точно должен остаться! Да, Варь?.. – Варя, улыбаясь Таечке, разъяснившей всю ситуацию, благодарно кивнула и смутилась очень. – У меня тоже есть свой котенок – игрушка он тоже. Я тоже его на память о маме храню, хотя он уже старый совсем. Но зато мне он важен, потому что мы с мамой с ним вместе играли.

– Ну... Хорошо, пускай остается. – улыбнулась грустно девочке-Дюймовочке Тая и добавила, – Но только я думаю – Варе он нужен совсем не на память о маме. Во-первых она его вообще никогда не берет почти в руки, а во-вторых – она и от мамы своей ещё как устает! Ей мама и в реальности – не то что там в памяти – не особо нужна. Уж поверь мне... Все время как спросишь её – что ты делаешь, чем занята: так все "мам не мешай", да "ну, мама, потом"!.. Не думаю что обо мне нужно чтобы ещё что-нибудь напоминало – меня Варе и так слишком много. Таюш, ты по себе судишь. Ты маму свою очень сильно, наверное, любила. Ты молодец... Ты очень хорошая девочка.

– Вас Варя тоже очень любит. – заметила тихо Тая. – Варь, пойдем дальше вместе с тобой вещи собирать?.. Я тебе помогу, а ты мне ещё что-нибудь об игрушках расскажешь? Чай все равно ещё очень горячий. Хорошо?..

В этот день переехали. Варя с собой и завядший цветок забрала, как её Тая старшая ни уговаривала его уже выкинуть. Тая младшая в этом вопросе, зато, приняла как раз сторону бедного цветка, и поэтому старшая тетка была вынуждена согласиться. Малышка Таечка кажется способна была теперь уговорить свою новую маму на все. Так что в машине сидела она с вянущим цветком на коленях, потому что Варя, с ним вместе пролезая на сиденье, просыпала чуточку земли в салон и потом её новая сестра взяла над цветочком опеку, чтоб больше с ним в неумелых руках ничего уже не случилось. Тая взрослая от этого неприятного инцидента жутко расстроилась – ведь было стыдно до невозможности что блестящий новенький салон Игорева автомобиля замусорили по её опосредованной вине, но сам Игорь сказал что не важно вообще – это пустяки: потом пропылесосит. Так этот цветок-бедолага, который так надоел уже Тае, что выразить просто нельзя, оказался и на блестящем стеклянном столе в главном зале квартиры, которая Таю повергла вначале даже в некоторый шок – настолько условия здесь отличались от прежней их с Варей конурки. Глазам уставшая в жизни до невозможного женщина поверить своим не могла. Лишь, пожалуй, уродливый этот цветок, водруженный на стол вместе с пышным букетом мимоз, что с собой взяла Тая сама, напоминал о реальности происходящего – немножко будил от волшебного сна... Ну и ещё Варя сама, уж конечно же, тоже... И отражение Таино в зеркале. За этот день, хоть она и чуть-чуть посвежела от новых надежд и забытого ей так давно уж спокойствия за завтрашний день – но сборы ведь все равно отняли чуточку нервов и сил, а потому в зеркале виделась ей всё ещё та же усталая, блеклая Тая...

На следующий день – неожиданно и свадьба состоялась. Ну, не свадьба в полнейшем её смысле слова, а роспись. Со своим знакомым Игорь договорился о том чтобы их как можно скорее оформили, и он позвонил, сказал что окно на сегодня освободилось – какая-то пара свое сочетание отменила по обстоятельствам личным, а значит – Игорь и Тая могут занять их место. В результате они просто заехали ненадолго в зал регистрации, чтобы по быстренькому сразу же оформить отношения, а уж о торжественной части договорились подумать потом – когда будет на это свободное время.

– Ты прости, Тай, что... как-то так... буднично очень все получается. – извинялся поти-хонечку Игорь перед поездкой в ЗАГС, пока Тая ещё причесывалась, а дети о чем-то ожив-

ленно болтали, как и все время почти что теперь, в стороне. – Совсем как-то... быстро и... в повседневном режиме. И предложение так вот сделал, и свадьба...

– Да нет, ничего. – улыбнулась немного грустно Тая, – Поздно просто уже, все равно, для романтики. Её я уже упустила сама. Это тогда ещё можно было все так – красиво... когда в первый раз ты ещё... предлагал. А теперь – у нас уже дети и возраст не тот. Уже абсолютно другие вещи важнее, чем внешняя мишура, правда?.. Сейчас понимаешь уже что все это не главное.

– Ну... Во многом – конечно... Главное чтоб... Но, Тай, я тебе обещаю – что, раз уж дни праздничных, таких, знаешь, событий для нас, получились такими... обычными... То для равновесия я постараюсь тебе все обычные дни хоть немножечко праздником сделать. Вот, как смогу – постараюсь. Я обещаю...

Когда выходили из зала регистрации, оказавшись уже в более неформальной атмосфере, стали друг друга все четверо – дети и новобрачные – осторожно поздравлять. Осторожно, ведь все-таки люди ещё новые, детям ведь надо привыкнуть.

– Тетя Тая?.. – набрала побольше воздуха младшая Таечка, и глаза у нее стали влажными, – А можно... а можно теперь я уже буду мамой Вас называть?.. Да? Можно, пап?.. Я давно уже так никого мамой не называла и...

– Ну коне-еечно же можно, Таюш!.. – присела на корточки и взяла девочку за плечи ласково Тая старшая, – А я тебя – доченькой тогда, ладно?..

– Угу... – кивнула расплакавшаяся уже Дюймовочка и обнялась с новой мамой, да долго ещё не выпускала её из рук.

Тая тоже прослезилась, и улыбаясь переглянулась с Игорем, тоже расстроганным красотою момента... Так долго мечтала она о такой своей девочке... Та-аак долго...

– Я всегда, всегда, Таюш, мечтала иметь такую дочечку как ты... – шепнула ей потихонечку новая мама, – Ты настоящее счастье... Я буду тебя очень-очень любить!.. Обещаю...

Игорь сначала был весь в этой сцене, утирая счастливые слезы. Но скоро заметил что Варя неловко совсем как-то в сторонке поблизости топчется и разглядывает полы.

– Варь? – улыбнулся ей новый папа и ободряюще положил на плечо руку, – Ну что? Мы теперь с тобой тоже ведь – папа и дочка!.. Мне можно тебя тоже дочей теперь называть, да?.. Разрешаешь?

– Ага... – кивнула, тотчас же зажегшись жизнью Варя, и посмотрела на папу косыми глазами через очки с такою растерянностью и надеждой, что он даже не смог на лице удержать улыбку и отвернулся поскорее, смахнув с глаз. – А мне тоже можно Вас будет звать папой?..

– Ну конечно... Конечно же. Пойдем ещё маму поздравим.

После "свадьбы" – отправились вместе в большой ТЦ погулять. Решили хоть так сделать некоторое подобие праздника: детей сводить по магазинам, поесть на фудкорте хотя бы, а не

дома, а может быть что и на аттракционы какие-нибудь куда и Варя можно будет, отправить. Гуляли недолго ещё по ТЦ, как уж попался им на пути офис турфирмы.

– А кстати?.. – остановился перед ним папа Игорь. – Ведь по-нормальному же после свадьбы наверное должен быть медовый месяц?.. Правильно я понимаю? Давайте-ка глянем туры хотя бы одним глазком – может быть будет что подходящее?.. Слетали бы вместе куда-нибудь, или съездили...

– Да ну, Игорь, зачем... – растерялась Тая.

– Точно! Правильно, папа! Нужно куда-нибудь съездить!.. Мы даже с Варей одни можем дома остаться, чтобы вам не мешать.

– Не-ееет!.. Ну это даже не обсуждается! Только если с вами. Пойдемте – посмотрим хотя бы просто – нас ведь купить сразу там никто ничего не заставит!..

Но Игорь ошибался. Горячий тур предложили настолько пленительный по цене своей и по условиям, что вопрос уже не стоял даже – стоит ли взять его, пока есть. Вопрос был ещё в одном только – стоит ли брать, зная что есть всего три билета? Они последние. Билета три, а человека – четыре. Как быть?..

– Ну, а если, допустим, мы купим оставшиеся билеты, а после ещё один освободится... ну, кто-нибудь сдаст – Вы нам сможете сообщить?.. – узнает неуверенно Игорь.

– Конечно же. Да... – утвердительно кивает сонная девушка за столиком турагентства, – Давайте я номер Ваш запишу и мы Вам позвоним если вдруг ещё будут места.

– А... А если... А если что сдать билеты мы сможем ведь, тоже?..

– Конечно. Не позднее трех дней до даты отъезда.

– Тай, я не знаю тогда... Может быть взять?.. Может быть будут ещё билеты. Ну или сами сдадим если что... А может быть – что и вы с девочками просто поедете, а я... тут...

– Да ну – как же мы без тебя?..

– Ну... Короче говоря – разберемся. Ладно уж. Давай пока то что есть купим, а там уже будем думать.

Купили.

– А я знаю – как все получится!.. – заявила довольная Варя на выходе из офиса турфирмы, – Мам, ты меня наконец в интернатпустишь – куда я давно хочу, а вы все съездите за это время... Наконе-еец-то!.. – захлопала девочка в ладоши и засмеялась очень громко своим басовитым смехом.

Тая взрослая оглянулась по сторонам, как и всегда в таких случаях – с опаской, тревожно: не оглядываются ли люди?..

– Варь, ну какой интернат?.. Вот чего тебе в голову взбрело, а?.. Ты туда просишься прямо как... я не знаю – как в парк аттракционов какой-то. Я говорила уже – никуда ты, и ни в какое такое место не поедешь.

Но Тая ошибалась. За следующие два дня подошел срок, когда надо было решать уже точно – сдавать им билеты или лететь в запланированное путешествие тройным каким-нибудь составом, ведь о новых билетах им так ничего и не сообщили. А Варя за эти же пару дней прожужжала все уши и маме, и новому папе, и новой сестре о том – как же ей хочется хоть только раз побывать в интернате, где много-много детей и настолько же много игрушек. Она даже чуть не поссорилась с мамой, обидевшись на нее за то что не хочет она свою дочь в прекрасное место такое одну отпускать. В итоге, после одной из так надоевших уже ей сцен Вариного недовольства, Тая расплакалась от стыда и усталости, оставшись одна, вместе с Игорем только, на кухне, и пока он пытался её успокоить – сказала ему следующее:

– Я устала... Как я уже от всего этого устала... Если бы ты только знал!.. – Тая задыхалась в его руках от беззвучных рыданий, а самой ей казалось что рассудком вот-вот помутится.

Так жутко стыдно, и больно, и неприятно за дочь, за себя, что с ней связана, за все это Вариное поведение, за вспышки то ее буйной дурашливой радости, то ее неподобающе громкого недовольства невесть чем в том доме, куда их по милости приняли, в доме, похожем на счастье в его чистом виде, в доме где Игорь – интеллигентный, воспитанный человек – на все это смотрит с терпением ангельским, но ведь и понимает что так не должно быть, где младшая Тая – такая спокойная, умная, тихая девочка – совсем не должна такой видеть пример со стороны своей старшей сестры, и не обязана быть обречена на такую судьбу, когда все люди вокруг будут сравнивать их и считать чем-то родственным, в доме где нужно притихнуть и только смотреть благодарно и робко, снизу вверх, в глаза своему счастью, чудесному и невысказанному вызволению из мира нужды, грязи, упадка... Тае жутко до ужаса после Вариных сцен становится – жутко от того что пространство ЭТОГО ДОМА оглашает невысказанный в человеческом обществе буйный смех и ворчание, да ещё и ее – Таино – тоже невольное ворчание в ответ... Варя тащит сюда за собой всю ту прежнюю жизнь, что оставить так хочется уж позади, равно как и потертые книжки, игрушки, и вялый уродец-цветок. Тае жутко что стала сама она в той, прежней, жизни, отделаться от которой все не получается – грубой, угловатой, апатичной. Теперь она тоже не рифмуется с интеллигентным воспитанным обществом – и тем больше с ним входит в ощутимый диссонанс – чем больше общается с миром из прошлого на его туземном наречии. Ее вывезли, как одичавшего странника, пережившего множество лет на необитаемом острове – в мир современных людей. Ее спасли из убогих домишек, что в джунглях затеряны, сквозь соломенные крыши которых течет дождевая вода, а большой общий костер утасует тотчас же по наступлении ливня, и жутко туземцам становится холодно. Ее поселили в городе с электричеством, отоплением и водопроводом. Ее избавили от тяжелой охоты за редкою дичью во влажных лесах – теперь у нее на столе вся еда, что захочет, когда захочет, в каком хочет количестве. А она, все ещё, вынуждена здесь на туземном вступать в перепалки с тем дикарем Пятницей, что с собой привезен был из джунглей по милости и любви, и самой становится на время опять дикарем, да и всем приводить здесь на ум те, прожитые ею в джунглях, годы, о которых хотелось бы очень забыть. Так все это видится Тае...

– Прости... прости, Игорь, прости... что... что приходится и тебе терпеть это все... Эту всю... бескультурщину... Это... это ужасно. Игорь, ты знаешь... я не должна была этого делать. Я не должна была обрекать тебя и Таю на то, чтобы жить с больным ребенком. Вы этого не заслужили... Вы ничем не заслужили... Игорь, слушай...

– Да ну, Тай?.. Ты что... Мы не обречены совершенно... Варя прекрасная девочка – хоть и со своими особенностями, но... Но, видишь – Тая, вот, с ней, например, вообще очень дружит. Очень любит твою Варю. Это даже, наверное, и к лучшему... Ей не так одиноко теперь – теперь есть сестра, Варя...

– Тая... Да Тая она всех и вся вокруг любит – она, просто, очень хорошая. Знаешь, мне кажется что она просто Варю жалеет, конечно же, ясно – но вот чтобы ей интересно с ней было – ну нет, однозначно!.. Она развлекает ребенка как мамочка, но не сама веселится. Ты можешь представить чтоб было тебе интересно самому с человеком, который тебя младше на невесть сколько лет?..

– Ну... мне с Тасей всегда очень даже интересно общаться было...

– Ну... Тая не в счет, да. Тая сама, просто, свой возраст опережает значительно по развитию, поэтому... Но вообще – нет, Игорь... Это будет все слишком тяжело. Я все чаще уже, и действительно, об этом задумываюсь – о том что Варя говорит. Про интернат. Я думаю – я неправильно поступила... Мне нужно было сразу с тобой об этом поговорить – спросить как ты смотришь на Варю и... Как нам, вообще, дальше быть. Может быть правильной было бы, действительно... я не знаю... я никогда никуда ее не отдавала, нигде и ни с кем не оставляла надолго одну... ну – так, чтобы на несколько дней... Я не знаю... Не знаю. Может быть... Может быть это и нужно?.. Может быть стоит об этом задуматься, Игорь?.. Тогда, может, будет тебе, Тасе легче...

– Тай... Я никогда с тобой даже не думал про такое говорить... Ну, потому что я понимаю ведь что ты Варю, наверное, любишь и... Знаешь, если ты дочку не бросила даже и когда была абсолютно одна – то в честь чего же ты должна будешь ее оставить, когда у тебя теперь есть ещё мы?.. Тай, если ты только сама так захочешь и так тебе будет самой в чем-то легче, то... Я не могу тебя ограничивать – это ведь твой ребенок. Теперь, конечно же, ещё и мой – но я его жизнью распоряжаться не имею абсолютно никакого права. Эту жизнь ты растила сама, своими силами – а я здесь никто. Я только сейчас объявился. Не мне здесь решать – это точно. Ты только пойми что мне точно не в тягость. А дальше – как хочешь. Я не буду против и не стану осуждать никакое решение. Ты слишком много вложила сил в Варю, и поэтому имеешь сейчас полное право как не оставить снова ребенка, на которого жизнь положила, так и отдохнуть наконец. Это твое право, Тай. Я не против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.